

VYSHESLAV FILEVSKY

Любовное молчание

РАССКАЗЫ О САМОЙ ПРОСТОЙ
РЕЛИГИИ В МИРЕ

Vysheslav Filevsky

**Любовное молчание. Рассказы
о самой простой религии в мире**

«Издательские решения»

Filevsky V. Y.

Любовное молчание. Рассказы о самой простой религии в мире /
V. Y. Filevsky — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907220-7

В. Филевский — русскоязычный бразильский поэт и прозаик. В книге рассказывается об ощущениях при горении сердца души любовью к Высшему и сущему.

ISBN 978-5-44-907220-7

© Filevsky V. Y.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Птицы и цикады	7
Немузыкальная музыка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Любовное молчание

Рассказы о самой простой религии в мире

Vysheslav Yurievich Filevsky

© Vysheslav Yurievich Filevsky, 2018

ISBN 978-5-4490-7220-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белу-Оризонти 2018

Я расскажу о моей духовной любви – о горении моего духовного сердца. Не стану при этом опираться ни на какие писания и предания. Опишу только то, что чувствую.

Для меня огонь моей любви – Истина, высшее наслаждение, цель и смысл жизни. Сердце не может гореть любовью неправильно. Если оно горит любовью – все нестроения мира бессмысленны: мир, лад, рай..

Послушайте же рассказы пламени моего сердца – рассказы любви о ней самой из уст духовно безумствующего любовника.

Предисловие

Слово, в том числе и религиозное, поставило мою жизнь на грань смерти. Мой же путь – духовный. Поэтому, чтобы выжить, пришлось создать собственную религию – религию бессловную и безмысленную. Её смысл и содержание – молчаливое исповедание любви к Высшему и сущему и трепетное благоговение перед ними. Исповедание состоит в по возможности непрерывных объяснениях в любви ко всему на свете – видимому и невидимому. Жизнетворящее Невидимое при этом не называется никак: Оно без образа, имени, пола и признаков.

Следствие исповедания – возгорание духовного сердца и высокое счастье: ощущение рая на земле.

Вот и всё моё священное писание.

Мир, как представляется, на грани гибели, так же, как и я до начала моего исповедания молчаливой любви и благоговения. Поэтому, возможно, мой опыт преодоления всех нестроений кому-то придётся кстати.

Вышеслав Юрьевич Филевский,

Белу-Оризонти, 30 марта 2018 года

Примечание. Использованные изображения находятся в Интернете в свободном доступе. Адреса изображений приводятся в конце книги.

Птицы и цикады

Уборка храма

Солнце только-только поднялось над верхушками деревьев. Радостно пели птички...

Я вошёл в лес в молитвенном настрое и собирал мусор, брошенный теми, кто побывал в лесу накануне. Я воспринимал лес как храм. Люди относились к лесу по иному. И я уважал их право мусорить в моём храме... Впрочем,

что такое храм? Не любое ли место, где мы испытываем благоговение от присутствия Непостижимого, от духовного общения с Ним? Не наше ли это жилище, не наше ли горящее любовью духовное сердце, не наша ли страна, не наша ли планета?..

Для меня священо всё. В сердце радостно горит духовная свеча. Её радость созвучна с радостным пением птичек. На душе – такая чистота, какая была, я думаю, до моего рождения. И хочется распространить эту чистоту на весь окружающий мир... Да, это невозможно. Но хотя бы здесь, в этом кусочке леса, где я гуляю...

Люди критикуют ведущих себя неуставно в христианских церквях. Иногда даже хотят посадить таковых в тюрьмы...

Для меня христианские церкви – только маленькая частица храма под названием жизнь. Бог и священнодействующий этого огромного храма – великое Непостижимое. Сослужащий и молящийся – я. Алтарь – моё сердце, горящее любовью к Священнодействующему, ко всему видимому и не видимому. Моя жертва – непрерывные объяснения в любви к Высшему и существу. Пляшущие в этом храме – люди. Но я люблю их и никого не хочу сажать в тюрьму, хотя и ощущаю глумление – «оскорбление религиозных чувств».

Я убираю бутылки, упаковки, окурки – и объясняюсь в любви к существам, которые их здесь бросили и даже благоговею перед ними. Они отдыхали, веселились, были счастливы, гордились своей родиной и президентом...

Есть ли у этих людей повод для разделения со мной счастья любви к Высшему и существу? – Думаю, что нет – им и так хорошо...

Почему же я люблю людей, оскорбляющих мои религиозные чувства, чувства гражданина и благоговею перед ними?.. – Можно сказать, это проявления психического заболевания. Но любя и благоговею перед теми, кто причиняет мне боль, я испытываю счастье. Счастье – большое. Попробуйте поступать так же. Для кого-то, возможно, это счастье окажется большим, чем счастье от распития в лесу алкогольных напитков...

Я убираю лес – мой храм. И если кто-то захочет навести чистоту в храме своей души, он волен последовать за мной...

Но я отвлекся, однако... Птички, казалось, были заняты восторженными хвалениями. Как будто едва ли они слушали друг друга, едва ли понимали. Но как ладно звучали их голоса вместе! И всё это великолепиие совершалось безо всякой науки и правил, без легенд и человеческого лукавства... О, такое возможно только по высшему промыслу, разве нет?.. И птички были всем своим существом обращены к Нему, ко Всевышнему. Птички пели где-то высоко. Может быть, они как раз с Ним и разговаривали. Поэтому видеть их с земли было невозможно, как и Самого Всевышнего.

...Шло священное служение. С неба лился желтовато-белый свет как бы от сущности Служащего. Казалось, оттуда, после причастия и спускались невидимые белые птицы, которые усаживались на верхушках деревьев и пели чудесные песни. Невидимым же кадиллом земля источала лёгкие испарения.

Слёзы счастья навёртывались на глаза. Я оставил сумку с мусором, лёг на чуть влажную траву. Лучи пронизывали листья, и они от этого представлялись золотыми. В какой-то момент всё будто затихло. И началась она, сокровенная Литургия. Моя душа, будто оставив на время тело, устремилась к Священнодействующему и в сыновнем порыве обняла Небо...

Елене Алексеевне Косиловой

Лес и поле

Я шёл по лесу. Моё внимание привлекали птицы, их пение. И я стал прислушиваться к тому, что они «говорят»...

Редко, кто поёт так разнообразно, как соловей в мае. Обычно же разговоры птиц представляются довольно однообразными. Кто-то может подумать даже, что птицы просто глупы, бесконечно повторяя одно и то же. Но на самом деле это не так. В речи птиц важны оттенки, которые ухо обычного человека не улавливает. Мы слишком грубы для этого, слишком сознательно удалены от мира прочих живых существ, от мира природы...

Да, птицы не прочь поговорить на любовные темы. Но продолжение рода их заботит не постоянно, не терзает так, как нас с вами, а только в определённые моменты жизни. В остальное же время... – птицы живут и славят великое Непостижимое. И в этом их жизнь благодатней жизни самых духовных из нас.

Птицы общаются со своими детьми. И тоже не постоянно, а до достижения ими самостоятельности. С товарищами же и подругами они говорят о самом насущном: делятся сведениями о чём-то благоприятном и неблагоприятном. При этом они выражаются весьма сдержанно, скромно, строго... Я бы сказал, что вообще болтовня птицам мало свойственна...

Да, есть среди них известная говорунья – сорока. Иногда бывает настроение побалагурить у ворон, игриво поболтать – у воробьёв... Эти птицы, мне кажется, похожи на людей. И поэтому и обращают на себя наше особое внимание.

А вот канарейки не болтают. Они радуются. И привлекают нас своей радостью. Речи канареек как будто похожи на изливания соловьёв. Но они возвышеннее. Потому что соловьи говорят о плотской любви... Да, они обладают поистине высоким поэтическим даром. Но всё-таки это разговоры о земном. Канарейки же объясняются в любви не только возлюбленным, а всему, что они видят, и даже тому, что недоступно их зрению – непостижимому Небу.

Молящаяся канарейка

Нет, я не хочу сказать, что канарейки самые духовные птицы, в отличие от тех, которые говорят сейчас справа и слева от меня. Просто канарейки говорят о земной и небесной любви более понятно для нашего уха, чем, скажем, скворцы или щеглы...

Вы что думаете, что щеглы не объясняются в любви природе и её Творцу? – Напрасно. Если они высказываются более сдержанно, это не значит, что их чувства менее чисты и высоки. Попробуйте вслушаться – и вы обнаружите огромное количество оттенков. Это оттенки их любви. И на поверку окажется, что любовь какого-нибудь щегла к непостижимому Небу гораздо сильнее, чем наша с вами. Потому что мы грубы.

...Что может быть страшнее грубости?.. Что такое грубость? – Это не только ругательства, которые у большинства из нас всегда наготове. Нет, грубыми нас делает погружение в быт... Но не только. Я знал крестьянку, которая при всей тяжести своего труда замечала дивную красоту окружающего: и растения, и животных, и птиц... Вы знаете, как она мне об этом рассказывала? – Она говорила будто пела, и как раз так, как говорят птицы, окружающие меня: спокойно, глубоко и очень сдержанно...

Самое страшное не быт, а страсти, страсти любые, хоть любовные, хоть преступные, хоть стяжательские, хоть трудовые... Люди любят соловья именно потому, что он красиво выражает то, что им мило – страсть. А любовь к жизни, природе, Всевышнему без омрачения страстью – она представляется людям не интересной, серой, однообразной, докучной даже...

«Наверное, так уж устроен человек», – думал я, подходя к опушке и прощаясь с десятками маленьких созданий, скромно преподавшим мне замечательный урок любви. И мне бы хотелось в моих работах быть похожим именно на них, а вовсе не на соловья...

О соловьи, как много вас! Но что вы можете сказать душе, полностью обращённой к великому Непостижимому? Нет, не чувственной красоты ищет такая душа, а высокого покоя небесной любви, как у тех птиц, которые затихают за моей спиной.

...День стоял погожий. Выйдя из лесу, я уже не шёл, а, казалось, плыл в море солнца и пшеницы. Находясь в этом плавании не улыбаться было невозможно.

Лес сразу стал воспоминанием... О чём?.. Он представлялся жизнью в теле... В ней было много прекрасного. В лесу живут замечательные птицы. Их только надо уметь слышать. Лес создан не только для утоления человеческого голода. Он не только обогревает жилище и благородно делится своей плотью с людьми, чтобы они могли построить жилища. Лес он и учитель жизни... Но кто же ходит в лес учиться?.. Напрасно. Лес, если слушать его самого, тех, кто его населяет – слушать сердцем, с глубокой любовью, он даст душе больше, чем все священные писания мудрецов мира...

«Любить высокое творение Предвечного, истончать сердце, превращая его в сердце духовное – и думать, чувствовать таким сердцем... Что может быть прекраснее подобного бытийствования, быть выше него?» – сказал я сам в себе.

...Тропинка была узкой. По ней в день проходили не более двух-трёх человек. Колоски, едва касаясь рук, нежно отвечали моей улыбке. Звуковая же среда была легчайшим гулом насекомых...

Однажды мы с женой зашли в маленький провинциальный ресторан. Там никого не было, но грохотало то, что люди называют музыкой. Люди до того любят её слушать, что даже поесть спокойно не могут. Я попросил работницу выключить «музыку», потому что никого нет, а мне «музыка» неприятна... И, знаете, она мне отказала, потому что, по её мнению, «должен же быть какой-то фон»... Обед был вкусный, но я давился им...

Веял ветерок. В его детском дыхании разговоры насекомых и касания колосков друг с другом сливались в изысканное звучание... Может ли человек создать нечто подобное ему?... Сомневаюсь. Да этим никто и заниматься не станет, потому что такой товар невозможно будет продать: нужна грубость, её купят, и дорого.

А вы знаете, ведь по сравнению со звуками полей едва ли не все человеческие звуки – грубость, больше или меньше...

Одна из моих знакомых купила студию звукозаписи. И, поработав там, сказала:

– Не понимаю, зачем люди учатся в консерваториях. Ведь чем «шизее» музыка, тем лучше она продаётся. И для делания её образования не нужно.

Я ничего не ответил ей, потому что в двух словах об этом не скажешь. Так называемую классическую музыку тоже покупают. Поэтому и учатся, чтобы вживую исполнять произведения далёкого прошлого... Ну, это, по-моему, блажь. Существует огромное количество записей едва ли не всех их в самом совершенном исполнении... Впрочем, снобы называют записи консервами... И ведь классическая музыка в подавляющих случаях её проявлений тоже грубость – грубость чувств...

Вы возмущаетесь моим мнением? Но оно верно, если сравнить музыку людей со звучанием поля. В музыке поля нет страсти. И поэтому люди никогда не назовут её музыкой. Самое замечательное, что могут сделать люди, это насадить поле, выходить его и тем благотно содействовать великому звучанию жизни... О, как оно прекрасно, как несовместимо с науками, искусствами, философией, религиями... Звучание поля – это уже не страстная суетная людская жизнь – жизнь искусственная.

Звучание природы естественно и поэтому *по-настоящему* религиозно...

Я думаю, человечество никогда не было религиозным, а только пустословило на якобы духовные темы. Иначе не было религиозных войн, не было бы цивилизации и истории человечества в том виде, каком мы её знаем. Тем более, никому бы в голову не пришло переделывать или трактовать историю. Люди всем сердцем любили бы Присносущее и друг друга. Какое уж тут имущественное неравенство, какие страсти, какие войны... Религия это любовь, для которой слова не нужны: сказал о естественной религии – и солгал. Я имею в виду религию Неба, конечно...

Слова нужны только для искусственных религий Земли...

Сияние окружающего слепило. Я прикрыл глаза. И «плыл» уже вне тропинки. Выйдя на опушу, я пересёк некую невидимую грань между обычной жизнью – и прекрасным, неописуемо изумительным, будто утратив признаки человека. Я находился в том, для чего люди придумали понятие «Небо»...

Церковная легенда повествует о том, что один человек, поднятый ветром в воздух и благополучно вернувшийся, рассказывал, будто в газовой оболочке Земли живут ангелы и поют «Святой Боже»... Не спорю, может и так. Но я говорю не о газах.

Я находился в Нечто великом и необъяснимом, которое благо сердечно любить и трепетно благоговеть перед Ним... Но нет, не совсем ещё, не полностью находился, потому что до меня доносились звуки Земли:

я слышал жаворонка. Пели двое, наверное, возлюбленные. Я попробовал различить их, но сияние оказалось слишком слепящим для этого. Я слушал жаворонков и понял, что и мне благо петь именно так. Может быть, оно иногда и удаётся, потому что я очень хочу этого, потому что всей моей сущностью люблю непостижимое Небо...

Знают ли о Нём жаворонки? Нужно ли вообще стремиться познать Непостижимое? В этом ли высокий смысл жизни?.. Думаю, что нет. Не нужно ничего кроме любви и благоговения. Ничего, кроме этих леса и поля, птичьего пения и огромной радости общения со Всевышним, не омрачаемой людскими мудрованиями и страстями...

Предвечное, я иду к тебе. Вот моя тропинка, вот поле, вот жаворонки, вот моё духовное сердце, до краёв наполненное любовью к Тебе – вот жизнь моя.

Щегол и ворона

Права ли та или иная птица в своём пении?.. Может ли одна птица составить суждение о пении другой?..

Однажды в мае на сухой ветке старого дерева сидела ворона и изредка хрипло вскрикивала:

– Каррр!.. Каррр!.. Каррр!..

Или, чтобы вам было понятно, ведь скорее всего вы не знаете вороньего языка:

– Слава огромному и непостижимому Небу!.. —

И потом:

– Каррр!.. Каррр!.. Каррр!.. – что означало:

– Всевышнее, спасибо за то, что ты создало меня такой совершенной!.. —

Я знаю, тут вы возмутитесь и предложите мне не морочить вам голову. Однако я возражу. Во-первых, нам только кажется, что вороньи возгласы одинаковые. А во-вторых, их «речь» невозможно выразить с помощью букв. А этой речи множество оттенков. Причём большинство из них наше телесное ухо не улавливает. Но именно в них смысл вороньей речи и перемены этого смысла.

Если, находясь в состоянии любви и благоговения перед Высшим и сущим, приблизиться к говорящей вороне и захотеть понять её, вы поймёте, о чём я.

– Каррр!.. Каррр!.. Каррр! – продолжала между тем ворона, мол, не нарушай моего уединения, человек со страстными помыслами...

– Каррр!.. Каррр!.. Каррр!.. – В смысле:

– Тебе предстоит ещё пройти долгий путь настойчивых любовных молитв, чтобы понять возвышенность моих молитвокарканий... —

Неподалёку между распускающимися листьями молодых деревьев летал щегол. Временами он останавливался и сообщал окружающему миру об его ощущениях от увиденного и почувствованного:

– Фьють-фьють-фьють, ти-ти-ти-ти, фьюрьрьрь-тиу?

То есть, какой замечательный запах исходит от этих липковатых листков, не правда ли?

– Фьюти-фьюти, тью-тью-тью-тью, фиурьрьрь-тюирьрьрь, ти-фью-уи, ти-ти-ти-ти, ще-и... —

То же самое, что и в вороньей речи. На буквы, и то весьма приблизительно, в речи щегла можно переложить только где-то десятую часть речи. Но и это переложение будет сомнительным из-за бездны переливов, оттенков и смены интонаций. Сейчас же он сказал вот что:

– О солнце, какую радость ты даришь всем нам! Какой восторг в моей груди!..

– Фиу-фиу, сья-сья, те-те-те-те, фео-фео, сь-сь-сь-сь, тью-тью-тью-тью, и-ить! —

Или по-русски:

– Какое счастье любить и петь о любви к окружающему миру и его Создателю! —

– Каррр!.. Каррр!.. Каррр!.. – продолжала между тем ворона.

Щегол, конечно, слышал и предыдущее её карканье, но благочестиво терпел. Но сейчас его молитвенное состояние замутилось по попущению великого Непостижимого. Поэтому терпение внезапно лопнуло. Он подлетел к вороне и сказал:

– Уважаемая ворона, – так начал щегол со сдерживаемым раздражением, – как вы можете столь грубо каркать в такой изумительный день? Не кощунно ли это? Посмотрите, как весь мир сверкает от счастья!

– Ка... – Ворона подавилась и не смогла произнести заключительное «ррр».

Она смотрела на щегла, как на полного идиота:

– Да ты кто... Кто ты вообще такой? Что ты понимаешь в пении и прославлении непостижимого Неба?! —

Ворона выпучила глаза. Она часто дышала от возмущения и не могла сомкнуть клюва. А щегол, оставив ножку, наставительно продолжал:

– Славить Предвечное нужно так: «Фиу-фиу, сья-сья, те-те-те-те, фео-фео, сь-сь-сь-сь, тью-тью-тью-тью, и-ить!»

Ворона пришла в благородную ярость. Её интимное чувство любви к Непостижимому было задето:

– Да что ты знаешь о молитве и славлении?! – прокаркала она, распаясь, – «тью-тью-тью-тью, сь-сь-сь-сь...», тьфу, что это за молитва?.. Послушай-ка, как надо...

Ворона замолчала, успокоилась и глубоко вошла в любовное молитвенное чувство. Она почувствовала, что то ли кровь прилила к голове, то ли сознание наполнилось чем-то очень возвышенным и сладким... На глазах вороны выступили слёзы. И она прочувственно, глядя в небесную даль, произнесла:

– Каррр!.. Ты понял?.. —

Когда ворона отвела свой пламенный взор от неба, она с огромным удивлением увидела, что щегол, положив крылышко на живот, давится от смеха.

– Что ты этим хочешь сказать, – произнесла она сухо.

Щегол

– Ха... ха, – только и мог выдохнуть щегол сквозь смех, – ну ты и даё-ошь...

Ворона поняла оскорблённым своё чувство ко Всевышнему. Но это чувство теперь было таким всезахватывающим, что она не вышла из него. Только её сердце сжалось и хотелось рыдать.

– Ой! Ой! Держите меня, – задыхался между тем от беззвучного смеха щегол.

Он упал с ветки и, кувыркаясь, полетел прочь. «Нет, – думал щегол, – всё-таки эта ворона безусловно благочестива. Поистине непостижима воля Предвечного о нас, сделавшего так, что мы выражаем свою любовь таким образом, что другим это кажется нелепым...

Да, карканье вороны грубо. Но она же любит, я понял это. А любовь к великому Непостижимому, не она ли главное на свете, не ничтожно ли всё иное, в том числе, не всё ли равно, как именно эта любовь выражается?.. А может быть, и сама грубость это только мои представления о грубости и нежности?..»

Щегол был поражён этой мыслью. Ему хотелось вернуться к вороне и попросить у неё прощения за свою нелепую оценку её молитвы.

«Нет, это неправильно, – решил он. – Разговор только углубит нестроение. Преодоление же его – в выпестывании сердечной любви к вороне и благоговении перед ней.»

И щегол, закрыв глаза, стал объясняться вороне в любви. Он делал это очень долго. Солнце прошло зенит и, расслабленное, склонялось в объятия леса.

И тут щегол заплакал. Потому что почувствовал, как глубоко любит и эту ворону, и её каркающую молитву, и солнце, и Небо, и вообще жизнь – каждое её мельчайшее проявление.

Из закрытых глаз щегла тихо текли слёзы. На его головку села маленькая бабочка. Щегол не почувствовал. И бабочка, хитро улыбнувшись, выпустила хоботок и стала пить его слёзы. Она чувствовала такую особенную сладость, что не могла понять, различает ли она её вкусом или же сладость духовная?.. «Всё-таки духовная», – мудро решила бабочка и полетела спать.

А ворона, глядя на кривляния в воздухе смеющегося щегла, сокрушённо думала о грубом устройстве мира, о том что живые существа восхищаются только вычурными, переливчатыми звуками, но не могут постичь простого и прочувствованного...

– Каррр! – задумчиво и ото всей души сказала она. Это означало: «Я люблю тебя!»

«Я тоже тебя люблю», – сказал я вороне духом, повернулся и, стараясь делать это как можно тише, двинулся прочь.

Любовь к Отечеству Любовь к Родине

О любви или *не* любви к Родине рассуждать едва ли разумно.

Если я скажу: «Я люблю Родину, мой народ», то найдётся немало умников, которые мне доказательно возразят, ссылаясь на весьма умных и уважаемых людей, отрицательно высказывавшихся о моей Родине. И добавят несколько неллицеприятных слов от себя.

Если я скажу: «Я *не* люблю Родину, мой народ», то тоже найдётся порядочно людей, которые оболуют меня грязью. И при этом мне будет сомнительно, что все они – и те и другие любят Родину. Потому что и утверждение, и отрицание одинаково лукавы. Лукавы именно в силу присутствия серьёзных обстоятельств, как за, так и против – за и против любви, которую можно объяснить.

Любовь, поддающаяся объяснению, это не любовь, а что-то ещё.

Полагаю, вообще кощунно ставить вопрос о любви к Родине и издеваться друг над другом по поводу того, родинолоб он или нет.

Можно блудомыслить о любой стране и любом народе, хотя это тоже не благо делать. Блудомыслить, холодно собирая и обобщая сведения и подгоняя их под свои давно сложившиеся представления, даже воображая себя учёным... Но только не о Родине.

Потому что...

любовь к Родине сокровенна.

Родина – святая сущность, сердцевина души её сына или дочери... Во всяком случае, так было раньше.

Родина как сердцевина души – она иная ипостась любви к Предвечному. Душа и «слеплена» из двух граней любви – земной и небесной...

Впрочем, увы – у любого плода сердцевина может быть гнилой. Когда вы слышите человека, разглагольствующего о любви к Родине, знайте, что он её не любит: он изображает любовь с сомнительной целью...

Есть любовь к Родине. Эта любовь молчалива и сердечна. А есть суемыслие о любви или нелюбви к Родине, что не одно и то же.

Есть Нечто, Творящее бытие. А есть блудящие словами о Нём.

Безумно рассуждать о Творящем бытие, хорошее-де Оно или плохое. Хотя сейчас так делают... Также невозможно рассуждать подобно и о земле отцов, о родном народе. Потому что...

Мать-сыра-земля, родной народ – они не хорошие и не плохие. Это – святое, главное святое, слитое воедино с великой Созидающе-Разрушающей Силой – с Предвечным. И святость такая стоит несравнимо выше суетных земных представлений.

Ничто в бытии не происходит просто так. На всё воля непостижимого Неба. Всё – проявление Закона Воздаяния, по которому Родина, например, может выступать в качестве карающего меча по отношению к другому народу, а может и наоборот тяжело наказываться сама другими народами. Поэтому весьма печально, когда находятся люди доказательно или хулящие, или воспевающие Родину. Ибо никто из них не прав, потому что каждому из таковых можно серьёзно возразить.

Как хочется воскликнуть:

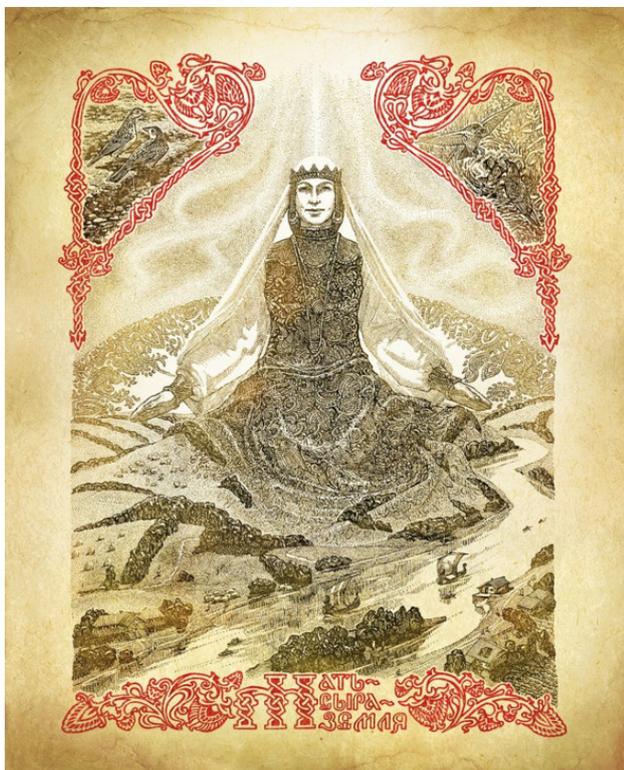
«Довольно мыслелудия, довольно разлада!..» Но это бесполезно. Потому что людям мило именно мысле- и словоблудие и их последствия – разлад... Зачем? – Иначе мир не будет идти к концу, а он как рождённый однажды, должен погибнуть...

Сейчас люди прекрасно обходятся и без любви к планете, и без любви к матери-земле, и без любви к Небу, и без любви к семье – вообще без любви, имея только сексуальные влечения, удовольствия и идеи... Такие люди на каждом шагу. Их становится всё больше и больше. И они постепенно вытесняют из жизни сердечно любящих...

Однако этому скопищу можно противопоставить глубокую, молчаливую, трепетную любовь к Высшему и существу и благоговение перед ними – любовь именно молчаливую. Потому что биться с несметным полчищем чудовищ, которые не могут любить, бесполезно: в открытом бою его уже не победить. И нередко безлюбые калеки суть подлинные мастера слова и изворотливости мысли. Они докажут всё что угодно, даже то, что любовь на самом деле это ненависть... Поэтому благо не воевать открыто с сонмом безлюбых, но любить его, гореть любовным пламенем, пламенем любви к Родине и Присно существу, пламенем любви к неспособным любить, духовным пламенем, которое невозможно разделить так же, как не получится разделить пламя свечи. Любить – и носить это неугасимое пламя в сердце своём даже тогда, когда уродцы обливают вас грязью и поносят... Гореть молчаливой любовью в это время – совершенно необходимо...

Можно ли вообще погасить святой огонь любви к Родине?.. Страшный вопрос... Думаю, у всех народов мира любовь к Родине и планете угасает. Исчезают обычаи, обезличиваются языки, внешние отличительные признаки и самих людей, и жилищ их, а пища становится всё более разрушительной для тела... Может быть, пройдёт немного времени и под понятием Родина будут иметь в виду не страну, не город или деревню, а только планету Земля, кто знает?.. Иметь в виду – и также не любить её, и плевать на неё сквозь зубы...

Мне больно, что моя земная родина, мои соотечественники так далеки от образа небесной Родины и родного народа, каким я его помню – этих двух образов, живущих в моём сознании. Но это не повод для нелюбви к Родине и народу, преображённому течением жизни.

Богиня моего народа Мать-сыра-земля

Если не согласен с народом, считаешь, что его действия, мысли и слова против твоей совести – покинь Родину. Так будет легче её любить. А любить – обязательно:

какой ты человек, если не любишь Родину? – Так, недоразумение оно.

Если же сын или дочь отреклись от земных родителей: родной земли, отца и матери по плоти... – проклинать их не благословенно, но воистину горек путь таких, страшно и подумать о том, *чем* в душе своей они заплатили, чем платят сейчас и чем расплатятся в будущем они сами и потомки их...

Бездумно любить – и возноситься, как песчинка по лучу, в жизнь вечную – вот счастье, с которым не сравнится ничто в поднебесном мире. Вот что такое любовь к Родине, неразделимой с любовью к существу, любовью к великому и непостижимому Небу, не имеющему имени, образа и признаков.

Любовь к родному языку

Душа подобна духовному алмазу. У него много граней. Они могут сверкать или быть покрытыми духовной копотью...

Это образ. Потому что я говорю не о свете и тьме, а о горении духовной любовью или его отсутствии. Любви вне горения не существует.

Любовь бытийствует духовным пламенем. Если духовое сердце не горит, значит, любовь спит. Не исключено, копоть с этой грани души уже не отчистить... Думаете, отчистить можно всегда? – Увы.

Неспособность любить может быть проявлением тяжёлого заболевания или следствием органического поражения...

Говорящий о любви, если его сердце не горит любовью – лжец. Таковой человек – хороший и даже желанный проповедник среди людей со спящим духовным сердцем.

Если безлюбого приветствует паства – общество в опасности...

Душа, горящая любовью, сверкает множеством граней... Главная из них – любовь к Творящему бытие. Любовь к Творцу – мать этих граней любви, сердце духовного алмаза, каковым я представляю душу... И вы знаете, я это написал не для красного словца, не потому, что так надо или кто-то сказал. Знаю по себе —

любовь к Творцу суть огниво, которое может воспламенить все прочие грани любви души... Только она... Если же любви к Творящему бытие нет, сверкать душа не будет, только переливаться оттенками копоти... Хотя, знаете,

оттенки закопчёной души могут быть даже очень красивыми, а сама нелюбая душа – безусловно востребованной.

Если вам любовь ни к чему, не любить – не бойтесь. Вы найдёте поклонников и единомышленников, и семью создадите. Только детей не рожайте. У родителей, не умеющих любить, дети – чудовища... Так живите, для себя...

Любовь к великому Непостижимому, Творцу сущего, она подобна пламенному духу. Постепенно овладевая вами, это пламенное нечто зажигает бездонное море, каким *также* можно представить душу. Если это произойдёт с вами, вы поймёте, что состоите из множества граней любви, которые спали либо не были очищены огнём любви. Тогда грани вашей души начнут сами собой проясняться до ослепительного блеска... Или же вы почувствуете себя большим подсвечником, на котором по одной зажигаются свечи таинственным образом... Кто их зажигает? – сердечная любовь к Предвечному.

У Предвечного нет образа, но образы могут быть у «свечей» любви, которые Оно понуждает вспыхнуть. Например, у Родины...

Конечно, Родина – женщина: земля, мать... Но это представление – только подобие образа. Потому что невозможно достоверно обозначить ни лик, ни одеяние матери: всё будет

ложным. Каждый знает, как выглядит его мать по плоти. Но представления других о вашей матери могут сильно отличаться от ваших. Одна и та же Родина может быть в представлении разных людей непохожей, до такой степени, что, если те заговорят о Родине, то, возможно, не поймут друг друга, а могут при этом и насмерть поспорить...

Другая из «свечей» любви или граней алмаза души – любовь к родному языку. Она возгорается после «свечи» любви даже не к Родине, а Роду своему... Никто не полюбит родной язык, не любя Род свой, как бы о нём кто не говорил, что бы не думал...

Род вне оценок... Не представляю, как можно простить надругательство над матерью или предательство Рода...

Почти каждый может сказать, что он и так любит и Родину, и предков, и родной язык безо всякой там любви к какому-то великому Непостижимому или Роду, и эти его «свечи» горят сами по себе... Но, возможно, это не свечи святого чувства, а лампы накаливания или газовые горелки. Хотя в обыденной жизни это как будто не имеет значения...

Мне знаком человек, увлечённый изучением родного языка. Он знает наизусть все правила и даже написал «инновационный» учебник. Но этот человек не любит язык, о котором книга... Почему я так думаю? – Он всю засоряет язык чужими словами и коверкает родные, иногда нарочито. И это не в качестве средства выразительности, а для удовлетворения желания посмеяться над языком...

Наука это безлюбное разложение явлений на составные части... Игра такая, удовлетворение страсти к изучению... Ладно, когда разрезают мёртвое, труп, например. А язык?... Он же живой...

О знание, не освящённое любовью к Высшему и сущему, не печально ли ты, не убого ль?... Зачем ты?..

Как кощунно знание, изучающее сокровенное... Сокровенное познать нельзя. Это пытаются делать люди, не ведающие, что такое любовь.

Я плачу от любви – и поэтому знаю всё.

Учёный со спящим сердцем души – сердцем, не знающим любви к великому Непостижимому, такой учёный, знающий всё – не знает ничего.

Не знать ничего, но обладать горящим духовным сердцем, куда лучше, чем быть энциклопедистом, я думаю так...

Язык же, раздавленный, или обезображенный иностранными словами, как мне сказали, называется «академическим»...

Люди, чурайтесь академиков...

Что есть мера использования чужих слов? – С одной стороны, жизненная необходимость. Потому что многими видами деятельности просто невозможно заниматься, пользуясь только родными словами. Но главная мера, я думаю – качество образа Родины, обозначающееся в сознании, степень любви к ней, а особенно – любви к Роду...

Пиджак нельзя назвать по-русски, это нерусская одежда. Но говорить «мониторить» – выказывать презрение к Отечеству. Потому что вполне можно сказать «наблюдать», «следить», «отслеживать»... Возможно, мониторят тогда, когда перестают отслеживать, о консенсусе говорят, когда теряют согласие, а легитимностью прикрываются, становясь на путь открытого беззакония – чтобы покрыть свои действия туманом значительности...

Глупо, да?... Любить вообще не умно, согласен... Умный любить не станет.

Увлечение, страсть (в том числе и к языку), привязанность, с одной стороны, и любовь – разные вещи. Но это возможно понять только вспыхнув любовью к великому Непостижимому, которая как пламенный дух, разольётся по бескрайнему морю «я», возожёт подсвечник любви или очистит и заставит сверкать грань души, которая есть любовь к родному языку...

Повторю: огонь любви к непостижимому Небу возжигает и любовь к существу, в частности – к родному языку. Не любящий Предвечное любить родной язык не будет, как не будет любить Родину и Землю...

Вы скажете, что все народы мира, кто больше, кто меньше, а отказываются от родных языков, глумятся над ними – это всеобщее. Вот и главное: Земля-то гибнет...

Да, без дотошного знания правил вы будете делать какие-то ошибки в речи или написании. Но, любя, вы станете тщательно выбирать слова, изо всех сил избегая засорения речи чуждым, тем более словесным мусором. И от каждого вашего выражения будет веять любовью к Роду и родному языку – а, значит, и к планете, и к самой жизни... И всякий, слушая вас, будет ясно понимать, что вы – сын своего народа, продолжатель и выражение Рода, что вы не только носитель языка, но в вас живёт и торжествует длиннейшая череда предков, восходящая из глубокой древности, бездна которой – непостижима...

Допуская забвение родных слов и замену их чужими, вы соглашаетесь с угасанием Рода, а то и вовсе одобряете это и радуетесь тому, что этот проклятый род наконец-то заканчивается, а то и закончился уже вовсе... Ура-а-а! Теперь вы – один из начальников рода нового, правильного и прекрасного...

Нет, я вовсе не говорю, что угасание моего, например, рода это плохо. Может быть, его время и в самом деле закончилось.

Угасанию Рода радуются те, подсвечник души которых не возожжён... А собственно, почему он должен гореть?!.. А зачем он вообще нужен?.. И не способные любить массово «сдают» свои «подсвечники» в утиль...

Что же до меня, я чувствую: череда предков уходит в глубины моего сознания. А моя любовь к родному языку продолжится и после моей телесной смерти. Потому что эта любовь суть только одна свеча на подсвечнике любви, одна грань алмаза моей души, очищенного великом Непостижимым, алмаза, являющегося Его отражением, а, возможно, и частичкой непознаваемой Сущности, творящей бытие. Ведь родной язык – он только земное воплощение того вечного языка, которым души могут общаться с Не-имеющим-Образа-Имени-и-Признаков, воплощение языка, название которому – любовное молчание, молчание, лишённое понятий, представлений и слов... Какие понятия и слова могут быть у любви?..

Подлинная любовь – безмолвствует...

Древо жизни

Самое больше в жизни счастье – способность любить...

Вы скажете, что она есть у всех. Но мой жизненный опыт этого не подтверждает. И вообще, я не имею в виду тягу к существу противоположного пола, желание обладания им, увлечение тем или иным делом... – это страсти, по моим представлениям. Как и у любого, у меня всё это было. Но – я не умел любить и жил без любви, не осознавая этого. И не понимал, почему моё бытие не складывается...

Вы правильно поняли: я считаю, что жизнь не складывается у тех, кто не любит, а не любит, потому что не может. Таковые живут на земле в аду. Но и не всякий любящий при этом живёт на земле в раю...

Да, мои мысли можно воспринять как проповедь любви.

О любви говорят все. Слово затёрли, а вместе с ним и само понятие – «любовь»...

Однако в моей любви есть нечто особенное, дающее мне право рассказывать о ней вам. А именно: я люблю глубоко и сильно всё без исключения, начиная с Предвечного и кончая пылинкой... Если хотите, это любовное безумие. И я страдаю от того, что не вижу во многих других такой же полноты любви... Зато моя любовь нередко приводит людей в ярость.

Поэтому, конечно, никто не хочет учиться у меня моей нелепой любви. А если бы и захотел, я не смог бы научить. И вот почему.

Я полюбил на шестом десятке лет... Нет, я никого не встретил в человеческом облике... Но мне чудесным образом была подана благодать молить непостижимое Небо о любви к Нему... Вот главное: благодать настойчиво молить о любви. Откуда она появилась и почему стала дозвонить?.. Это низошло само...

Благодать просить о любви к непостижимому Небу была милостью свыше. Если она не низойдёт – любви не будет. Поэтому-то научить любви невозможно. Вы сами знаете, что в мире очень много людей, которые по должности учат любить, но сами любить не умеют...

Я в те поры работал на селе ночным сторожем и просил о любви небо, полное звёзд... Вы знаете, как это бывает там, где звёзды не исчезают от городских огней... Кажется, что они слетелись со всего света, чтобы посмотреть на вас... Поэтому любовь у меня связана прежде всего со звёздным небом и тишиной... Я обходил свой объект, ступая духом по звёздам и выпестывая в сердце семя любви, зародившееся там по милости Неисповедимого.

Потом семя взошло, и много лет я лелеял его... Семя превратилось в дерево. Это дерево – я сам. Оно – то самое дерево

Моё дерево жизни

жизни, о котором люди иногда любят порассуждать. Однако моё дерево это только моё дерево, а не символ. Я говорю только про себя и про него.

Моё дерево жизни огромно, но не беспредельно. Я чувствую, что мои духовные корни пронзают Землю и распространяются за её пределы, а ветви выходят в открытый космос.

В моём основании Земля. Но я питаюсь не только ей. И мои духовные ветви, разрастаясь, стремятся достигнуть глубин Вселенной, которые невозможно представить. Они тянутся к ним, поэтому кажется, что растут очень быстро.

Моё Дерево издаёт лёгкий звон, не улавливаемый человеческим ухом, но его слышат духи благодати и улыбаются... Разговариваю ли я таким образом с духами? – Едва ли. Просто я так бытийствую.

Многие считают меня сумасшедшим... Чем меньше в человеке любви, тем больше он уверен в своём безумии. А те, у которых любви нет вообще, полагают, что меня надо убить, в смысле спилить моё дерево. «Пилить» же безопаснее всего словом, я хочу сказать, рассуждением о любви, долге, ответственности, порядочности и тому подобное.

Слово – самое совершенное и страшное орудие убийства. Слово – единственное, что остаётся не любящим для самоутверждения в рамках закона... Слово, оказывающееся лживым, клеветническим...

А кто может быть уверен в том, что он говорит так называемую правду? Не всегда ли эта правда только его личная – правда говорящего? Может ли кто-то поручиться в том, что говорящий сам себе не лжёт? Всегда ли родственник, сосед или посторонний видят то же, что и вы? – Конечно, они видят иначе. И используют для выражения этого «иначе» совсем другие слова, часто прямо противоположные вашим...

Убийство словом почти ничего не стоит, за него не осудят. Вы хотите убить и у вас нет денег, чтобы нанять для этого умельца? – убивайте словом. Как убийца вы останетесь не только безнаказанным, но будете жить с чистой совестью и поклоняться слову – орудию вашего убийства. Потому что вы, солгав себе, убедили себя, что ваши лживые слова и мысли – это правда.

Словом можно убить тело, но невозможно убить любовь, конечно, если она настоящая, небесная. Потому что...

любовь – состояние, противоположное говорению. Любовь со словом соотносятся так же, как Небо и Земля...

О, как это прекрасно – замолчать! Тогда нож слова не достигнет вашего сердца. В ответ слову вы будете молча объясняться в любви покушающемуся на убийство словом, объясняться в любви к нему и к великому Непостижимому...

Молчащему верят потому, что он ничего не доказывает... Молчащий прав, если он в сознании своём объясняется в любви к Высшему и существу... Прав даже в том случае, если весь мир обличает его в неправде. Ибо для обличения нужно вначале утратить любовь...

Услышали обличителя – знайте: он не умеет любить.

Вы полагаете, что я хочу вас в чём-то убедить? – Вы далеки от истины. Вы всё знаете лучше меня и добились в жизни куда большего. Это *вы* бы могли меня учить, если бы я не жил в другом измерении, если бы я возжелал отказаться от моей правды и жить, как принято...

Был святой человек, который утверждал, что благо непрерывно говорить о Господе. Я с ним очень не согласен. Чашу любви, по-моему, нужно нести бережно, а не бежать с ней по пересечённой местности... Когда же я *пишу* о моей любви, то есть, не говорю о ней, эта чаша не расплёскивается, сила любви не уходит в воздух, чувство не оскверняется. Наоборот, «напиток» любви внутри меня становится более насыщенным.

Древо моей жизни это древо моей любви к Высшему и существу. Моя любовь огромна и поэтому божественна. Поэтому священно и древо.

Я не могу представить, что возможно большее счастье, чем то, что испытываю я, даже в эту самую минуту. Но я никого не приглашаю пригубить это счастье: если вы получите на то благословение великого Непостижимого, оно вам низойдёт и без моего приглашения. А если нет – вы над моим счастьем только посмеётесь. И правильно сделаете. Давайте будем смеяться вместе, потому что я вам только морочил голову... А вы что, поверили? – Ха-ха-ха-ха!.. Любви же на самом деле, как многие говорят, нет... И меня тоже нет...

Немузыкальная музыка

Мелодия мира

Однажды я проснулся от ощущения того, что моё тело превратилось в рояль. И я играл сам в себе. Совершал головокружительные глissандо в небо и щебетал трелью, как жаворонок, только очень громко. Потом, спустившись вдруг в средний регистр, раздваивался в квинту, репетировал ей и, поднимаясь в нижнем звуке, сливался в унисон – и тоже трепетал – вибрировал, не совершая трели. Я мужественно наливался басами, тоже двузвучием, и затем утверждал себя аккордом.

Потом, будто поняв, что грохот это не моё, что это грубо и суетно, вдруг раздваивался, ставясь одновременно и пианистом, и инструментом. Обеими руками я быстро и тихо выкладывал причудливые узоры в верхнем регистре, вдруг прерывая их вязь и рассыпаясь звёздами по клавишам. Клавиши при этом вдруг начинали переливаться из цвета в цвет. Звуки превращались в духовные, в какую-то прозрачную невещественную ткань, которая вспыхивала то тут, то там ослепительными блёстками.

Пианист таинственным образом исчез в этой сущности, медленно упав в неё, как в колодезь... Теперь он слился с ней и был и волнующейся как бы на ветру радугой, и точечными вспышками. А внизу, под этим ликующим фоном, из грудного регистра медленно и уверенно, как бы из самого моего нутра, уступами поднималась мелодия, в тембре подобная хору виолончелей...

Если бы взяться, быть может, мне и удалось бы перенести на бумагу бледное отражение звуковой радуги со звёздами. Но сама мелодия явно не поддавалась записи. Не могла поддаться. Потому что она была выражением любви к великому Непостижимому... Смешно подумать, что такую любовь можно сделать доступной для каких-то знаков или неуклюжих и страстных человеческих чувств...

Мелодия постепенно превращалась во вселенский хор, становясь крупнее и уверенней. Прозрачная же ткань продолжала звучать, но поднялась куда-то очень высоко. Теперь её, сгрудившись, наполняли настоящие звёзды. Они сверкали в сознании. Казалось, их можно было взять в руки. Но я знал, что такое предположение -неправда. И тогда понял, что моё сознание бесконечно, как космос...

Мелодия же одновременно и господствовала и отсутствовала. Её единоезвучие завораживало и подчиняло. Теперь не виолончели – все духи благодати, все души усопших – всё составляющее духовный мир пело эту невыразимую мелодию.

Где-то внизу кувыркались президенты, жулики, продавцы, деятели культуры... А под ними, в самом низком регистре, но тишайше, грозно пузырилась чёрная масса житейского моря, над которой они властвовали. Там можно было различить только хлопочки лопающихся пузырей...

Мелодия же торжествовала. Она была выражением небесной Правды, высшей, духовной справедливости, противонаучной, не поддающейся звуковому или письменному изъяснению Истины. Если бы мелодию возможно было записать, на это стоило бы потратить жизнь. Но...

Истину выразить нельзя. Выраженная Истина – это лукавство. Поэтому, я понял, не стоит тратить жизнь на невозможное – на поиски Истины.

Однако человеку всё-таки доступно не мало, а именно – Истиной *быть*, а именно: всем существом любить великое Непостижимое, не гортанью, а всем собой петь об этой любви, не понимая мелодии и не пытаясь испортить её бледными и лживыми в своей неточности словами, бытийствовать мелодией любви, не выделяя свой голос из духовного хора, а наоборот, с огромной радостью растворяясь в нём, утопая и всё более отдаляясь от чёрной массы внизу...

Да, если опуститься в её контр- нет, даже субконтроктаву... О, вам там хорошо?.. Простите, у меня другой путь... Нет, нет и нет! Этот телевизор, новости из компьютера... Прочь, прочь...

Я – мелодия мира, мелодия бесконечной жизни, мелодия огромного счастья... Это очень интимно. А переливы звёздной радуги где-то там, в запределье, так светлы... Вы возразите, что, мол, космос чёрен... Но я не о вещественном. Запределье, о котором я сказал, не по земному чисто. А духовная чистота не может быть чёрной, как, впрочем, и белой: она бесцветна.

Родник и дыхание

Сожалею, что вы со мной скорее всего не согласны. Но я воспринимаю Землю таким же живым существом, как и вас, уважаемые читатели. И я горячо люблю её... Может быть даже – Земля суть маленькая составляющая какого-то неведомого нам существа, размеры которого мы не в состоянии осмыслить – его живая клеточка...

Подобно всему живому и не живому, планете потребна любовь. Без неё она погибает. Вам приятно жить отстранившись от понимания этого, потому что у вас нет благословения великого Непостижимого любить Землю. Поэтому вы и не любите. Поэтому же вы и не виновны в умирании планеты, хотя Непостижимое убивает планету вашими руками, вашими каменными *по отношению к ней* (только по отношению к ней) сердцами, вашей воинствующей нелюбовью друг ко другу и вашим разъеденным страстями сознанием – сознанием человечества. И это очень важно понимать: вы – убийцы, но вы и невиновны...

Нет, я не издеваюсь, я в самом деле так думаю. Вы исполняете предначертанное и поэтому так чудовищно жестоки к Земле и ненавистны друг ко другу. Поэтому многие и вас так жаждут войны, голосуют за войну и хотят убивать. И это несмотря на то, что в ядерной войне не будет ни победителей, ни героев... Что это, если не одержимость, если не потеря чувства самосохранения?..

Если б вы посмотрели на свои действия хотя бы с расстояния Марса, поверьте, вашему ужасу не было бы предела...

Возможно, вы понесёте наказание за исполнение воли Предвечного. А может быть – и нет: действие Закона Воздаяния непостижимо.

Вы скажете, мол, как же так, ведь мы только исполнители высшей воли... Да, только исполнители. Но бывает, наказываются и исполнители.

Остерегитесь должности палача...

И тогда, я думаю, когда будете гореть в пламени войны, вы возненавидите Жизнь, и проклянёте Небо, не ниспославшее вам благодать любить Землю... Нет, это не обвинение, а судьба... Кто же обижается на судьбу? Можно только злиться на того, кто её изъясняет, в нашем случае – на меня...

А я вас люблю... Вижу, как в ответ на это заявление вы недобро усмехаетесь. Потому что не понимаете: я всем моим существом люблю великое Непостижимое, а значит – и вас, ведь ваши души – Его мельчайшие частицы...

Вам странно, что частицы Всевышнего могут быть неблагими?.. А само Всевышнее благо или нет?.. Было ли оно благо к русским в 1941 году?.. Вы скажете, что нападавшие фашисты были выражением дьявола. А я думаю, что фашисты были разрушающей, карающей стороной Того же великого Непостижимого. А понятие «дьявол» – порождение творческой фантазии.

Мир един, раздвоения в нём нет. Раздваивается только сознание не вполне здоровых людей...

Разумно ли не любить кого-то за то, что у него на что-то нет благословения? Вот у меня, к примеру, нет благословения играть на фортепиано. Ну и что, ненавидеть меня за это? – Едва ли это уместно. Поэтому я люблю вас и не осуждаю. Хотя, конечно, мне грустно, что вы

уничтожаете среду моего обитания. Но я погибну с благоговением перед великим Непостижимым, с сердечной любовью к вам и Земле... Потому что среду моего обитания вы уничтожаете не сами по себе, не по вредности...

Земля – это живое, а возможно и весьма разумное существо – она похожа на нас с вами, помимо прочего, тем, что она дышит. Её дыхание может быть не только таким заметным и даже грозным, как выброс гейзеров, дыма и пепла из жерл вулканов, но и мягким.

В северных странах, когда весна входит в пору и солнце начинает днём прогревать почву, если поднести руку к земле, можно почувствовать тёплое дыхание почвы. Почувствовать – и понять, что это дышит женщина, готовящаяся к обильным и благодатным родам, приготовляющаяся стать любящей матерью. Это дыхание земли. Оно мощно и исполнено страстью рождения растений, а значит – и любви к нам. Потому что растения нам необходимы для жизни... Пока, во всяком случае... пока наше лукавство не создало замену растениям.

Земля дышит и импульсивно. Я уже говорил о гейзерах и вулканах. А посмотрите, как дышит почва, проявляя своё дыхание в виде родника?.. Это и дыхание, и биение сердца. Потому что вода, которую родник исторгает, суть «кровь» Земли. И это тоже отражение любви Земли к нам, потому что нам для жизни необходима вода...

Подумайте, кстати, и ужаснитесь тому, как мы загрязняем «кровь» Земли, столь нужную нам для жизни... Будет ли так поступать разумное существо? – Нет, конечно. Но у нас нет благословения любить Землю и жить. Поэтому мы сделали кровь Земли нечистой, а местами и ядовитой. А вот Земля имеет благословение великого Непостижимого любить нас несмотря ни на что. Так что, скорее всего, планета переживёт человечество.

Можно ли любить своего убийцу? – Можно: посмотрите на Землю. Она – высочайший духовный пример для нас. В христианских храмах вполне можно было бы поместить изображения Земли в качестве величайшей святой. Этого не делают только потому, что Земля не приняла христианства, то есть её не крестили... Поместить Землю в храм в качестве мученицы тоже нельзя и потому, что полагают, будто святость присуща только человекообразным... А ведь едва ли. Посмотрите, сколько животных и растений-мучеников. Подумайте, с каким нечеловеческим терпением они переносят наше отношение к ним... Вы что думаете, они при этом не обращаются мысленно ко Всевышнему?.. —

Что ж, думайте, если вам это утешительно. Раньше всерьёз полагали, будто негры – существа второго сорта. Придёт время – и вы содрогнётесь, осознав чудовищность вашего отношения к животным, птицам, рыбам и растениям. Возможно тогда, когда убьёте их всех своим отношением, ну кроме комнатных собачек, конечно...

Всё живое едино, всё по-своему разумно, всё наделено чувствами... А иногда это касается и так называемого неживого... И опять в моих словах нет обвинения. В них только правда. И я люблю вас, убийц животных, птиц, рыб и растений. Потому что у меня есть благословение любить, в том числе и убийц. Вы не виноваты в том, что у вас подобного благословения нет...

Вообще, я полагаю,

понятие вины выдумали люди, не любящие людей. Нам не нужна вина. Нужна только любовь. Нам не нужны слова о любви. Нам потребна любовь молчаливая и всеохватная, такая, как, скажем, у Земли к нам. Нам потребна любовь бескорыстная, бесстрастная и беспричинная – такая, какой любит нас Присносущее...

И я имею основание полагать, что Земля любит не только нас, детей своих, но и Солнце, и другие планеты, и сам Млечный Путь. Потому что всё это – одна живая сущность. А вот мы не чувствуем себя частицами творения... О рабство страстей, о тяга к наживе и разврату, в какую же нечистоту ты превращаешь человечество!..

О том, что Земля сердечно любит великое Непостижимое, я не говорю потому, что это само собой разумеется. Для планеты любить Предвечное так же естественно, как для нас с вами дышать, есть, испражняться, совокупляться, пить пиво вместо воды...

Любовь – способ существования Земли. Планета должна бы быть примером для нас огромной, бескорыстной любви... Посмотрите, Земля любит нас – и не поучает... Прекрасно!.. Бесконечно страдает от нашей жестокости – и не жалуется...

Поучающий, не лжец ли ты и кошунник?.. Жалующийся, не убог ли ты?..

О Земля, если бы можно было ценой моей жизни хоть как-то смягчить страдания, причиняемые тебе человечеством, я бы не рассуждая пошёл на лютую смету. Лишь бы ты жила...

Вы скажете, Земля сурово наказывает нас... Думаю, вы не вполне правы. Те проявления Земли, которые вам не нравятся, во многом суть следствия её угасания, болезни. И болезни отчасти излечимой. Они наказание только косвенное...

Нет, не нужно всем учёным Земли объединять свои усилия для выработки чудодейственных лекарств для Земли. Хотя такие медикаменты немного боль планеты и ослабили бы.

Панацея – в любви. Но у землян нет благословения на любовь – только на обряды.

Обряды – для безлюбых...

Представьте, что бы случилось, если бы мы все полюбили великое Непостижимое, а вслед за Ним – друг друга, растения, животных, птиц, рыб, насекомых и, наконец, самоё Землю? – Сколько фармацевтических компаний разорилось бы, сколько закрылось бы заводов, сотни миллионов людей по всей планете потеряли бы работу и начали умирать с голоду оттого, что мы бы начали лечиться и выздоравливать от любви, а не от лекарств?.. Может быть, поэтому у нас и нет благословения любить?..

Мы настроены свыше на нелюбовное бытие. Мы не можем иначе. Истончение любви – как будто естественный путь нашей цивилизации. Если бы мы начали возвращаться в любовь, наша цивилизация развалилась бы. Ибо из-под неё был бы вытащен краеугольный камень. Пришлось бы строить новую цивилизацию. Оно долго и трудно. Поэтому встаёт вопрос о том, насколько такое разумно... Думаю, что нет, и благо идти к своей пропасти, как идём, и поносить друг друга, вождей и угрожать смертельной расправой странам и народам мыслящим иначе...

Вожди – не при чём. Они стрелочники или, как говорили древние евреи, козлы отпущения... Не надо обвинять: мы – невиновны, и вожди – тоже... Вожди появляются не просто так, а потому что в глубине своей души общество ждало именно такого вождя, какого получило... Общество слепнет и говорит в душе своей: «Если не он, так кто?» – А вокруг полно народу, и во всяком случае, не хуже...

Импulsive дыхание Земли, её родники, приводят меня в священный трепет. И не только меня. Многие родники люди облагораживают, и объявляют, что там святая вода. Святая – в смысле не превращённая в яд человеком...

Я думаю, что и всю жизнь на Земле можно было бы превратить в святую, если бы устранить вредоносные действия человека, оскверняющего всё, к чему он прикасается...

«Святых» родников становится всё меньше и меньше. И наивных верующих об этом предупреждают заботливые власти: из такого-то родника больше не пейте, ибо там отравы. И мне тоже бы хотелось пожелать вам пить только из родников, не осквернённых лукавством. Эти родники, как мне представляется – сердечная любовь к непостижимому Небу и трепетное благоговение перед ним; – и вытекающие из этих любви и благоговения любовь к каждой мельчайшей частичке сущего. И не обвинение кого-то, а напротив благословение и обожествление в собственном сознании всего и вся. Эти родники – радость размером со Вселенную и сопутствующее ей неизъяснимое счастье.

Я стараюсь пить только из подобного родника и даже самому, насколько это возможно плоскому существу, самому быть святым родником. Также, как и кровь Земли из неё недр, так и мой родник любви и благоговения бьёт из глубин моего духовного сердца. Я чувствую себя при этом родителем, подобно Земле, источающим нечто духовно животворящее.

Попробуйте духовную воду, которую я исторгаю. Она не осквернена никаким учением о Любви, лукавыми толкованиями и комментариями, как самой Любви, так и отсутствующего моего учения о Любви... Два слова – любить и благоговеть – это не учение... И поэтому духовная вода моего родника чиста... Впрочем, люди обсуждают всё. Даже интересно, как будут суетливить о моём роднике любви. Как вообще возможно об этом блуждать мыслями – не знаю...

Я думаю, что комментируют и трактуют Любовь исключительно не любящие и вообще не представляющие ни родник любви, ни её дыхание... Людей, которые по склонности к суетливости занимаются подобным, я бы назвал духословами. Они творят научные работы, пишут диссертации о любви и получают уважение в обществе.

Хотя и я, как и духословы, не знаю, что такое Любовь, как не знает и никто другой. Да и нужно ли, возможно ли это знать? Зачем? Зачем строить Любви храмы и собирать там деньги? Храмом Любви можно сделать только собственное сердце. Если вы в заправду любите, то Само Предвечное будет совершать в нём служение, не приглашая вас на него. Но – и не отгаливающая. Хотите – принимайте участие...

Да, при этом можно и даже благо приходить в рукотворную церковь. Но святое служение всё равно будет не столько там, сколько в вашем сердце... А без сердечной любви служение в рукотворной церкви – кошунственная пустота. Это уж не родник, а ручей осквернённый человеческими нечистотами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.